

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XXIII

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК
(История, этнография, культура)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

А. Г. Шпринцин

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК И ЗВУКОВОЕ ПИСЬМО

Иероглифическая письменность бесспорно является одним из самых своеобразных и примечательных элементов китайской культуры, издавна привлекавшим особое внимание народов, общавшихся с Китаем. Для многих соседей Китая знакомство с иероглификой, как мы знаем, не прошло бесследно и привело к непосредственному заимствованию китайской иероглифической письменности и иероглифического языка (Япония, Корея, Вьетнам) либо же к созданию собственной письменности по образцу китайской иероглифики (тангутская — Си-ся, киданьская, чжурчжэньская). Последующая история этих заимствований хорошо известна. В одних случаях (Си-ся, чжурчжэни) иероглифика исчезла вместе с создавшими ее народами. В других случаях ею стали пользоваться не в чистом виде, а в сочетании со звуковым письмом — слоговым в Японии и буквенным в Корее. Наконец, XIX и XX века знаменуют полный отказ от иероглифики и переход к чисто звуковому письму (во Вьетнаме и в Корейской Народно-Демократической Республике. И только в самом Китае иероглифическая письменность оставалась неизблемой в течение тысячелетий, не претерпев качественных изменений с III в. до н. э.

Не удивительно, что это порождает естественные вопросы: почему, несмотря на, казалось бы, явное преимущество фонетической системы письма над иероглификой, последняя сохранилась в Китае до наших дней? Пытались ли китайцы ее как-либо видоизменить или заменить алфавитом и возможно ли это вообще? Наконец, в чем заключается проводимая в Китае реформа письменности?

Рассмотрению некоторых из этих вопросов посвящено дальнейшее изложение.

* * *

Пытаясь разобраться в том, почему в Китае иероглифическая письменность сохраняется в течение минимум трех с половиной тысяч лет, мы прежде всего должны обратить внимание

на два чрезвычайно существенных факта в истории развития этого элемента китайской культуры. Во-первых, китайская иероглифика не превратилась в фонетическое письмо, несмотря на то что на определенном этапе своего развития она очень близко подошла к этой стадии, а именно к слоговому типу письма. Во-вторых, иероглифика не уступила места алфавиту даже тогда, когда китайцы, уже прекрасно разбиравшиеся в звуковом строе своего языка, непосредственно познакомились с иноязычными алфавитами, например с деванагари (в текстах на санскрите), а это произошло самое позднее в I в. до н. э. [18, с. 11, 12, 14, 15]. В последующем китайцы могли оценить преимущества алфавитной письменности на примере не менее десятка известных им алфавитов [1, гл. 7, с. 23—25], однако и это никак не сказалось на судьбе иероглифики.

Что же отклонило развитие китайской иероглифики от пути, обычного для других систем (египетская иероглифика, клинопись)? Исчерпывающий и однозначный ответ на этот вопрос в настоящее время вряд ли возможен просто потому, что для этого нет достаточных данных, так как под таким углом зрения сложную культурно-историческую и языковую проблему развития китайской письменности пока еще обстоятельно не изучали, и здесь большей частью приходится ограничиваться умозрительными предположениями, ждущими детального фактического обоснования. Нельзя, конечно, отрицать, что китайские филологи на протяжении многих столетий занимались вопросом происхождения и развития иероглифики, но это было довольно одностороннее изучение, сводившееся главным образом к анализу композиции иероглифов, эволюции их начертания, структурно-типологической классификации. И лишь в последние 60 лет, когда в годы охвативших Китай социальных потрясений все шире стали распространяться сомнения в абсолютности соответствия иероглифики потребностям общественного и языкового развития Китая, возрос интерес к анализу исторических путей развития этой письменности.

Наконец, особо большое социальное значение помимо познавательного проблема исторического прошлого иероглифики приобрела в 50-х и в начале 60-х годов, когда в связи с мероприятиями по реформе китайской письменности к ее историческому прошлому обратились и те, кто в истории искал доказательств незыблемости иероглифики, и те, кто, наоборот, исходя из истории, доказывал неизбежность замены иероглифов алфавитом.

При всем этом никто, как бы он ни оценивал будущее иероглифики, не оспаривает того, что иероглифика развивалась в том же направлении, что и другие письменные системы человечества, т. е. от письма картинного (пиктографии) через идеограммы к письму звуковому. Однако в отличие от других систем китайская иероглифика остановилась в своем развитии на своеобразной стадии комбинированных знаков, одновременно

указывавших и на значение (весьма обобщенное и условное), и на звучание (тоже весьма приблизительное).

Причины того, почему развитие китайской иероглифики «приостановилось» на этой стадии, весьма многообразные и сложные. Их, как указывают современные китайские исследователи¹, следует искать в исторических особенностях развития самой письменности, в истории китайского языка, письменным выражением которого является иероглифика, а также в истории народа — носителя языка и создателя письменности.

Для того чтобы понять тот перелом в развитии иероглифики, о котором будет идти речь ниже, следует сделать экскурс в историю всей системы. В этих целях мы обратимся к традиционной в китайской филологии классификации всего иероглифического состава по шести категориям. В данном случае эта классификация удобна тем, что, систематизируя иероглифы по их строению, она вместе с тем отражает и последовательность развития иероглифов от знаков, передающих только смысл (идею), до знаков, передающих и смысл слова, и его звучание.

Как хорошо известно, наиболее древние иероглифы относятся к первым трем категориям этой классификации — так называемым изобразительной, указательной и символической (идеографической). Приведем для наглядности самые обычные и наиболее характерные образцы таких иероглифов:

а) изобразительные (в исходном начертании изображения конкретных предметов):

'гора' — в современном начертании 山 из древнего

'рыба' — в современном начертании 魚 из древнего

б) указательные (само начертание указывает уже на более или менее отвлеченное понятие):

'середина' — в современном начертании 中 из древнего

него 中

'верх' — в современном начертании 上 из древнего

в) символические (идеограммы, составленные из нескольких, чаще всего из двух элементов, сочетание которых указывает значение всего составного знака):

‘роща’ — 林 из двух знаков 木 ‘дерево’

‘сидеть’ — 坐 из знака 土 ‘земля’ и двух знаков

人 ‘человек’.

К этим пояснениям следует добавить, что такие иероглифы ничего не говорят слуху, т. е. их начертание не указывает, как звучит слово, обозначающее данный предмет или явление.

Кроме того, и это главное, такие иероглифы уже в древности составляли ничтожную часть всего их числа. Так, в известном словаре «Шовэнь» (I в.) из общего числа 9353 знака на долю идеограмм первых трех категорий приходится всего лишь 1656, т. е. около 18%. Проходит 1600 лет, и в словаре «Канси цзядянь» (XVIII в.) общее число иероглифов возрастает до 49 030, тогда как количество иероглифов первых трех категорий остается прежним и, стало быть, доля идеограмм (в широком смысле) падает до 3%, а если говорить только о первых двух категориях (264+129 знаков), то до 1%.

Это существенное² обстоятельство объясняется, как известно, ограниченными графическими способностями иероглифов-рисунков и иероглифов-символов, возможности которых пришли к концу, когда возникла потребность передавать на письме не только названия видимых наглядных предметов и простых явлений, но и все более и более отвлеченных понятий. А между тем общественное развитие вело именно к этому, к расширению языкового общения, к возникновению большого числа новых, и притом более сложных, понятий, которые требовалось как-то выразить на письме.

И вот, когда стало трудно и даже невозможно создавать новые иероглифы первых трех типов для обозначения возникавших слов конкретного и особенно отвлеченного значения, то обратились к использованию в этих целях уже имеющихся иероглифов. Так появилась еще одна, четвертая категория, так называемые заимствованные иероглифы — *цзя-цзе*.

В отличие от иероглифов первых трех категорий знаки, относимые к числу заимствованных, характеризуют не особый структурный тип иероглифов, а лишь особый способ использования ранее созданных знаков. Это использование было неодинаковым по своим истокам и по своей функции. В одних случаях в основе заимствования лежало сходство по значению, перенос значения (метафора, метонимия)³. В других случаях для слова, требующего своего обозначения на письме, достаточно было заимствовать из числа существующих иероглифов такой, чтение которого было сходно со звучанием данного слова. Таким образом, здесь заимствовалось начертание и чтение

иероглифа, но не его значение. Иероглиф выступает уже в качестве своего рода транскрипционного знака наподобие, например, изображения жука в египетской иероглифике, где этот знак кроме собственно жука обозначает еще ряд совершенно иных, но сходно звучащих слов (глагол «быть», существительное «бытие», имя собственное) [16, с. 15].

Эти фонетические заимствования и составляют категорию знаков *цзя-цзе*, как таковую. От них надо отличать не только заимствования по значению, но и другие формы заимствования иероглифов, в частности многочисленные случаи, когда иероглиф заимствовался для обозначения слова, уже имевшего свое иероглифическое выражение. Такие случаи употребления одного иероглифа вместо другого, уже существующего, были довольно часты в практике переписки в VII—IV вв. до н. э. еще более древних книг («Шицзин», «Шуцзин», «Чуньцю») [39, с. 13].

Время начала практики заимствования иероглифов точно определить нельзя. Известно, что уже в надписях на гадательных костях иньского периода (XVII—XII вв. до н. э.) они встречаются в большом числе. Еще в большем количестве встречаются они позднее, в надписях на бронзовых сосудах чжоуской эпохи. Существует предположение, что важным источником заимствования различных знаков для обозначения одного и того же слова были диалектные различия древнего Китая. Считают, что в иньскую эпоху письменность (надписи на костях) была достоянием небольшого числа гадателей, а среда ее применения была узкой и территориально ограниченной. Поэтому здесь не принимался во внимание читающий и пишущий — носитель другого диалекта. В позднейшую эпоху (Чуньцю, Чжаньго) сложились иные исторические условия. Расширилась территория государства, увеличилось население, увеличилось и число грамотных людей, значительно расширивших сферу использования письменности как территориально, так и функционально. Рост культуры вызвал появление множества новых понятий и слов, для передачи которых на письме широко пользовались способом фонетического заимствования уже существующих созвучных иероглифов. Каждый автор заимствовал иероглифы в соответствии со своим произношением (диалектом). Это приводило к тому, что текст, записанный на одном диалекте, становился непонятным там, где был распространен другой диалект [30, с. 6].

Прогрессивное значение способа заимствования (категория *цзя-цзе*) состоит в том, что он, во-первых, значительно расширил возможности применения уже существовавших к этому времени иероглифов и тем самым расширил рамки письменного языка и, во-вторых, был шагом на пути превращения китайской иероглифики в фонетическое письмо. В самом деле, этот способ позволил передавать одним иероглифом несколько различных по значению, но сходных по звучанию слов (слов). А так как уже в ту далекую эпоху фонетическая система китайского

языка характеризовалась строго ограниченным количеством типов слогов⁴, то появлялась возможность закрепить за каждым типом слога только один читающийся таким образом иероглиф и обозначать им во всех случаях на письме этот слог.

Естественно, что от использования иероглифов только в их звучании (заимствованные знаки) оставался небольшой шаг к превращению иероглифики в своеобразное фонетическое (вероятнее всего, слоговое) письмо. Для этого, как замечает в цитировавшейся работе Цзянь Сюаньтун, требовалось:

- а) свести ряд одинаково читавшихся иероглифов к одному;
- б) упростить начертание самих знаков [39, с. 16]⁵.

Очевидно, что результатом этого было бы создание ограниченного числа силлабических знаков по числу различных слогов, т. е. нечто аналогичное, например, силлабическим знакам в системах клинописи. Как известно, такой шаг сделан не был, и со стадии *цзя-цзе* (заимствование) развитие иероглифики пошло в другом, обратном направлении, которое постепенно привело к созданию нескольких десятков тысяч знаков, составляющих ныне китайский иероглифический запас.

Все же, поскольку метод заимствования иероглифов был не чем иным, как зарождением своеобразного звукового письма, это дает основание многим китайским лингвистам утверждать, что с практикой заимствования одного и того же иероглифа для передачи нескольких одинаково звучащих слов китайская письменность окончательно отошла от своей идеографической сущности, а категория *цзя-цзе*, передающая только чтение слова, была высшей точкой развития иероглифической письменности в звуковую⁶. Поэтому-то некоторые исследователи считают период широкого использования заимствованных иероглифов самостоятельным и важнейшим этапом в развитии китайской иероглифики [30, с. 3]⁷.

Однако прогрессивный сам по себе способ *цзя-цзе* имел тот существенный недостаток, что он приводил к многозначности одного и того же иероглифа, которому теперь соответствовало несколько различных слов, т. е. появление заимствованных знаков, сгладившее противоречия иероглифов-идеограмм, породило вместе с тем новые противоречия, например, противоречия между первоначальным значением заимствуемого знака и его новыми значениями, противоречия между разными знаками, заимствуемыми для обозначения одного и того же слова, и т. д. [32, с. 11]. Это, естественно, вызывало большие трудности в понимании текста и толкало на поиски способа, позволяющего определить в каждом случае требуемое значение многозначного иероглифа. Выход, как известно, был найден в создании сложных иероглифов, состоящих из двух частей, из которых одна часть указывает, а какой сфере понятий относится значение иероглифа... а другая часть указывает на произношение иероглифа...» [5, с. 15].

Здесь нет возможности останавливаться на хорошо изученных и систематизированных китайскими филологами многообразных типах соединения смысловой части с фонетической⁸. Поэтому мы приведем образцы одного из наиболее характерных типов подобных иероглифов, образующих в совокупности шестую, так называемую фонетическую категорию традиционной классификации (кит. *син-шэн*)⁹.

Возьмем для примера десять различных по своему значению слов и понятий (тростник, сушеная рыба, халат, рубанок, пушка, намочить в воде, насыщаться, поджаривать, обнимать, бегать), звучащих совсем или почти одинаково (*бао* — *пао* в современном чтении). В иероглифическом написании все эти слова имеют общий элемент 包, который является в то же время самостоятельным иероглифом, читающимся *бао* и означающим «завертывать», «обертка» и т. п. Однако помимо этого общего элемента каждый иероглиф, обозначающий одно из упомянутых десяти слов, имеет еще один элемент (так называемый определитель, детерминатив, ключ), указывающий на круг значений данного *бао/пао*.

Так, мы имеем¹⁰:

- бао¹ 苞 «тростник»; сверху определитель «трава»,
- бао⁴ 鮑 «сушеная рыба»; слева определитель «рыба»,
- пао² 袍 «халат»; слева определитель «одежда»,
- бао⁴ 鈹 «рубанок», «строгать»; слева определитель «металл»,
- бао⁴ 刨 «рубанок», «строгать»; справа определитель «нож»,
- пао⁴ 砲 «пушка»; слева определитель «камень» (по древнему значению — «каменнотельный снаряд»),
- пао⁴ 泡 «намочить в воде»; слева определитель «вода»,
- бао³ 飽 «насыщаться»; слева определитель «пища»,
- пао² 炮 «поджаривать»; слева определитель «огонь»,
- бао⁴ 抱 «обнимать»; слева определитель «рука»,
- пао³ 跑 «бежать»; слева определитель «нога».

Созданием иероглифов категории *син-шэн* закончилась качественная эволюция китайского письма, дальнейшее развитие которого было лишь количественным; возрастало число иероглифов, и возрастало только за счет иероглифов-фоноидеограмм (фонетической категории).

Это объясняется несомненными преимуществами фоноидеограмм перед всеми остальными типами иероглифов. Минусом изобразительных, указательных и идеографических знаков было, как уже упоминалось, то, что, образно выражаясь, они не могли создавать потомства. Создание новых знаков по их образу и подобию было невозможно, и поэтому сфера применения письменности была в этом случае весьма узкой. Переход к методу заимствования знаков расширил возможности письменности, но массовая и притом беспорядочная практика заимствования иероглифов затрудняла понимание написанного. Фоноидеограммы, возникшие как средство преодоления этих трудностей, а по форме как своеобразный синтез предыдущих типов, не имели этих недостатков.

Неудивительно, что возникший более 3 тыс. лет тому назад способ создания фоноидеограмм оказался очень продуктивным и постепенно стал единственным для образования новых знаков. Так, в надписях на гадательных костях XVII в. до н. э. такие иероглифы составляют около 20%, в словаре «Шовэнь» (I в. н. э.) — 82%, а в словаре «Канси цзыдянь» (XVIII в. н. э.) — более 90% [36, с. 7]. Новые иероглифы, создаваемые в единичном количестве в наши дни, также построены по этому принципу¹¹. И бесспорно, что в сопоставлении с иероглифами других категорий фоноидеограммы были наиболее совершенными конструктивно, самыми универсальными в использовании и свидетельствовали о высоком творческом достижении китайской культуры того времени.

Нас, однако, интересует другое: в какой мере появление фоноидеограмм сказалось на движении системы китайской иероглифики в сторону фонетического письма. Способствовало ли оно этому движению или, наоборот, тормозило его? По этому вопросу нет единого мнения. Некоторые, например, утверждают, что появление иероглифов фонетической категории было естественным и внутренне необходимым этапом на пути развития иероглифики в сторону фонетизации [32, с. 11—12]. При этом ссылаются на то, что появление способа *син-шэн* вызвало не только массовое и непрерывное возникновение все новых и новых иероглифов этого типа, но и усиленную фонетизацию ранее существовавших знаков других категорий.

Более вероятной представляется, однако, иная характеристика процесса. Напомним прежде всего, что появление фоноидеограмм было вызвано, в частности, необходимостью устранить недостатки и трудности, связанные с массовым использованием заимствованных иероглифов, уточнить их конкретное

значение и, возможно, сделать их понятными для носителей разных диалектов. В практике письма это означало параллельное существование иероглифов обеих категорий, соперничество между ними и, наконец, замену одних другими, как правило, путем преобразования (добавление детерминатива) первых во вторые. Китайские исследователи приводят много примеров, иллюстрирующих реальный ход этого процесса. Так, из сопоставления начертания одних и тех же иероглифов в надписях на гадательных костях, затем в древнейшем памятнике «Книга песен» («Шицзин») и в более позднем по времени словаре «Шовэнь» видно, что большинство иероглифов фонетической категории восходит к заимствованным знакам. В этом соперничестве заимствованных иероглифов с производными от них фоноидеограммами постепенно стали преобладать последние. Происходило это, как полагают, в VII—IV вв. до н. э. Если же взять мерилем словарь «Шовэнь», в котором уже около 80% иероглифов представлено фоноидеограммами, то можно считать, что к I в. н. э. в китайской иероглифике окончательно возобладали знаки — фоноидеограммы.

В истории китайской письменности известно одно крупное событие, значение которого для фонетизации китайского письма китайские исследователи расценивают по-разному. Речь идет о проведенной в III в. до н. э. унификации начертания иероглифов, так называемой реформе Ли Сы. В отличие от традиции, согласно которой эта реформа состояла в переходе от одного почерка (*да чжуань* — большой устав) к другому (*сяо чжуань* — малый устав), сейчас¹² считают, что значение реформы Ли Сы заключалось не столько в переходе к новым начертаниям, сколько в унификации множества существовавших тогда разнописей заимствованных иероглифов (*цзя-цзе*) путем замены разных знаков для одного и того же слова одним, в качестве стандарта которого было взято написание, принятое в уделе Цинь. Эта реформа завершила борьбу между заимствованными иероглифами и фоноидеограммами в пользу последних и окончательно определила путь развития китайской письменности как иероглифического письма. Весьма любопытная оценка этой реформы дана в манифесте, выпущенном в 1926 г. Всекитайским съездом по развитию национального языка:

«Введенное Ли Сы письмо *сяо чжуань* было унифицированной государственной письменностью. Можно себе представить, как развивались бы в последующие две тысячи лет китайский язык, литература и культура, если бы Ли Сы был более решителен в своих преобразованиях и, подобно тому как финикийцы поступили с египетской иероглификой, выбрал бы из почерка *да чжуань* некоторое количество знаков в качестве букв и создал бы государственную фонетическую письменность. Но Ли Сы вовсе не сделал этого...» [13, с. 15].

Итак, если практика заимствования иероглифов только в их

звучании знаменовала наибольшее приближение иероглифики к фонетическому письму, то создание фоноидеограмм, указывавших не только на звучание, но и на примерное значение слова, означало отход от фонетики обратно в сторону идеограмм.

В советской китаеведной литературе этой точки зрения, широко распространенной в Китае, придерживался Ю. В. Бунаков, писавший еще в 1940 г.: «Постепенно количество омофограмм вырастает до размеров, затрудняющих понимание текста. Отсюда в обычной линии письма окончательное переключение с идеографического письма на фонетическое. Китайская письменность на этом переломном этапе, наоборот, возвращается с фонетического пути, на который она встала использованием омофограмм, на путь идеографический» [4, с. 365].

Ю. В. Бунаков не объясняет, почему развитие китайской иероглифики пошло именно в таком направлении. Многие же из современных китайских исследователей полагают, что основной причиной возобладания фоноидеограмм (иероглифы категории *син-шэн*) над заимствованными знаками (иероглифы категории *цзя-цзе*, омофограммы, по Ю. Бунакову) были общественные условия той эпохи, требовавшие унификации письма, и в то же время раздробленность китайского языка на отдельные (свыше десятка) диалекты. Сложившееся в Китае к концу III в. до н. э. централизованное государство — империя Цинь нуждалась в едином средстве письменного общения, основой которого в условиях тогдашней диалектной раздробленности не могли стать заимствованные знаки *цзя-цзе*, в значительной мере связанные с различными диалектами. Напротив, фоноидеограммы *син-шэн*, имевшие в своем начертании показатель значения, могли стать основой такой унифицированной письменности.

Ниже мы вернемся к вопросу об иероглифике как о наддиалектной письменности, являющемуся лишь частью более общей проблемы взаимоотношения китайской иероглифической письменности и китайского языка на различных этапах его развития и в различных его фазах. В данном случае нас интересует то, какую роль в процессе развития иероглифики играли особенности китайского языка.

Причину того, почему в Китае письменность не пошла по общеисторически закономерному пути и не стала звуковой, очень часто ищут в особенностях китайского языка. В ряду таких особенностей, благоприятствовавших длительному существованию иероглифической письменности, обычно указывают на моносиллабизм китайского языка (преобладание односложных слов), на большое количество в нем омофонов (одинаково произносимых, но различных по значению слов) и на раздробленность языка на отдельные диалекты. Говоря более пространно, это значит: иероглифика, где каждый знак фонетически равен одному слогу, соответствует особенностям китайского языка, где

господствуют односложные слова; иероглифика, где каждое слово имеет свое отличное от других написание, очень удобна для записи китайского языка, переполненного одинаково звучащими, но разными по значению словами, запись которых алфавитом затрудняла бы понимание текста; наконец, иероглифика, где каждый знак, независимо от того, как он читается, сохраняет свое смысловое значение, объединяет «на письме» Китай, разбитый в языковом отношении на ряд диалектов. Звуковое письмо, отражающее различное произношение одного и того же слова, препятствовало бы письменному общению.

Все эти хорошо известные соображения справедливы в той или иной степени и применительно к тому или иному периоду в истории китайского языка и письма, насчитывающей минимум три с половиной тысячи лет. Нельзя забывать, что язык непрерывно развивается и то, что соответствовало особенностям китайского языка в начальные периоды его развития, уже не находило себе опоры в другие периоды, когда данные черты были утрачены или же сложились новые, иные особенности. Это существенное обстоятельство всегда необходимо иметь в виду, тем более что многие из указанных особенностей до сих пор являются предметом спора среди филологов.

Хорошо известно, что фонетический строй современного китайского языка характеризуется ограниченной сочетаемостью различных звуков друг с другом и, как следствие этого, ограниченным количеством типов слогов, составляющим для современного путунхуа 418, а для отдельных диалектов несколько больше. В этих условиях число одинаково звучащих односложных слов должно быть относительно велико. Было ли оно больше в древности? Вряд ли. Исследования китайских и европейских ученых по исторической фонетике китайского языка выявляют одно весьма любопытное обстоятельство: чем дальше в глубь веков, тем количество типов слогов возрастает. В VI в. н. э. оно было больше, чем сейчас, а в середине первого тысячелетия до н. э. оно уже составляло 2250. Б. Карлгрен, у которого мы заимствуем приведенную цифру [44, с. 110], считает, что это резко уменьшало количество омофонов. К сожалению, фонетическая система китайского языка второго тысячелетия до н. э. нам неизвестна, и о том, как читались, например, иероглифы иньских гадательных надписей, мы ничего определенного сказать не можем, хотя бы потому, что из общего числа — около 3500 — иероглифов, встречающихся в надписях на гадательных костях, расшифрована пока всего лишь одна треть [24, с. 107]. Тем не менее, исходя из всего процесса развития, естественно предположить, что в иньскую эпоху число омофонов было еще меньше, хотя они уже тогда, а тем более позднее, занимали значительное место в китайском языке. Достаточно вспомнить, что фонетическое заимствование иероглифов (*цзя-цзе*), о котором говорилось выше, было связано с наличием в

языке большого числа одинаково звучащих слов. Как бы то ни было, но даже наличие в языке множества одинаково звучащих слов само по себе никак не может служить препятствием к его передаче на письме алфавитом. Нельзя не согласиться поэтому с китайскими лингвистами [25, с. 230], когда они возражают проф. Ван Ли, утверждающему в своих лекциях по китайскому языку, что фоноидеогаммы (иероглифы категории *син-шэн*) не могли превратиться в алфавитное письмо потому, что в древнем китайском языке было очень много односложных слов и соответственно много омонимов, различать которые на письме можно было только при помощи таких иероглифов. Правда, Ван Ли тут же добавляет (и этим он заканчивает свою книгу): «В настоящее время, когда количество многосложных слов значительно возросло, письменность сможет вступить на путь фонетизации» [19, с. 76].

Это подводит нас к другой стороне проблемы — к вопросу об односложности китайского языка.

В специальной литературе еще не столь давно существовало, а в широких кругах и поныне распространено ошибочное представление об односложности китайского языка, где якобы все слова односложные и каждый иероглиф передает одно слово. Сейчас несостоятельность этой точки зрения стала очевидной, в чем немалая заслуга советских китаеведов, уже давно утверждавших и доказавших, что в современном китайском языке преобладают двусложные слова (см. [7]).

Был ли, однако, китайский язык односложным в далеком прошлом, в частности в период становления китайской письменности? По этому вопросу еще нет единства взглядов как среди китайских филологов, так и среди китаеведов других стран. Известно, что двусложные слова встречаются в надписях на гадательных костях и на бронзовых сосудах. Много их и в позднейших письменных памятниках, начиная с «Книги песен». Хотя для китайского классического языка нормой слова является однослог, представленный на письме одним иероглифом, многие сомневаются в том, что такой однослог отражал реальное односложное слово живой речи, и считают, что несовершенство орудий письма и трудность написания иероглифов заставляли пишущих сокращать слова и писать один иероглиф (т. е. часть слова) вместо требуемых двух.

Такого взгляда придерживался знаменитый китайский писатель Лу Синь [11, с. 327—328]; эту же точку зрения высказывал в ряде своих работ известный ученый и активный деятель движения за реформу письменности Цао Бохань. В китайском языке, писал Цао Бохань, как и в любом другом, имелись многосложные слова, которые следовало обозначать несколькими иероглифами, ибо иероглиф передает только один слог. Так как изображение иероглифов было делом нелегким, то для экономии времени и средств стали сокращать многосложные слова, обо-

значая их одним иероглифом. Такому сокращению подвергались даже имена собственные (У вместо Цзюю, Юэ вместо Юйюэ). Нередко сокращали и служебные (грамматические) элементы фразы [29, предисловие; 37, с. 114—115; 38, с. 71].

Подобного взгляда придерживаются и отдельные европейские исследователи. «Некоторые ученые,—пишет Нидэм,—утверждают, что в древнекитайском языке слова имели больше одного слога, но что трудности написания иероглифов втискивали язык в рамки однослогов. Нельзя быть уверенным, что каждый слог древнего слова обозначался на письме» [45, с. 76, (сноска а)]¹³.

Как бы, однако, ни были убедительны доводы сторонников того, что в китайском языке середины второго или даже первого тысячелетия до нашей эры имелись двусложные слова, несомненно все же, что в нем обильно были представлены, а вероятнее всего преобладали, односложные слова, и, стало быть, вопрос заключается в том, влияло ли это, и в каком смысле, на сохранение иероглифики.

Из истории человеческой письменности видно, что в ее развитии односложность слов играла большую роль, но что в разных системах эта роль была, очевидно, различной. Если в египетской иероглифике и клинописи односложность способствовала созданию слогового, а затем и звукового письма, то в китайском языке имело место обратное: односложность мешала появлению алфавитного письма. Объясняется это своеобразным характером односложности китайского языка. Дело в том, что в китайском языке на протяжении всей его истории однослог являлся не только элементарной словарной единицей, но — и это было решающим обстоятельством — и элементарной грамматической (морфологической) единицей. «Неизменяемый корень — однослог является в китайском языке тем количественным минимумом, дальше которого не идет смысловая (а тем самым морфологическая) делимость китайской речи» [6, с. 230]. Действительно, в отличие от, например, русского языка, где смысловая делимость может доходить до отдельных звуков (например, с-дел-а-л-и¹⁴), а делимость слова по слогам большей частью не совпадает с его морфологической делимостью (во-до-про-вод-чи-ки и вод-о-про-вод-чик-и), в китайском языке делимость на слоги и на элементарные смысловые единицы совпадает. Вследствие этой особенности, сохранившейся на протяжении тысячелетий, китайцам практически не приходилось иметь дело с членением слов на единицы меньшие, чем слог, иначе говоря, у них не было потребности выделять в слове (слоге) отдельные звуки. Более того, когда уже в начале нашей эры появилась практическая необходимость анализировать чтение иероглифов, чтобы передать его в словаре, сама фонетическая структура китайского слога мало способствовала выделению в слог его элементарных единиц — звуков. Именно в этом смы-

сле и следует говорить о слоговом характере китайского языка как о факторе, мешавшем переходу к фонетическому письму¹⁵.

На сохранении и упрочении иероглифики в немалой степени сказался, правда уже в более позднюю эпоху, специфический характер взаимоотношений между системой письма, письменным литературным языком и разговорным языком.

Из истории языка и культуры многих народов мы знаем, что литературный письменный язык всегда в какой-то мере отличается от разговорного языка той же эпохи. Литературный язык более консервативен, менее свободен и изменяется медленнее разговорного; в его развитии большую роль играют традиции и следование ранее сложившимся нормам и образцам; наконец, он ограничен в своем развитии рамками письменности, орфографическими нормами. Как бы, однако, ни было велико, особенно при феодализме, расхождение между письменным и разговорным языками, они, как правило, не оторваны один от другого, исключая, конечно, случаи, когда в качестве книжного языка применяется чужой для данного народа язык, безразлично живой (например, арабский) или мертвый (например, латынь). В Китае это взаимоотношение было весьма своеобразным. Здесь письменный язык, не привнесенный извне в качестве книжного и отнюдь не чуждый разговорному по своему происхождению, стал таковым в ходе исторического развития. При этом расхождение между литературным языком и устной народной речью чем дальше, тем больше возрастало, поскольку живой организм разговорного языка продолжал развиваться и изменяться, тогда как канонизированный классический литературный язык вэньянь на протяжении двух с лишним тысячелетий сохранял неизменными свои теперь уже окаменевшие формы.

Среди историков китайского языка, по-видимому, нет разногласий в определении источника и времени образования вэньяня. В истоке своем это письменный язык, зафиксированный в произведениях китайских философов и историков IV—III вв. до н. э., периода, отмеченного, как известно, коренными социально-экономическими сдвигами и крупными изменениями во всех областях жизни древнекитайского общества. Впоследствии, в средние века, этот теперь уже омертвевший литературный язык взяли за образец, которому надо следовать, писатели танского и сунского времен, закрепившие вэньянь в классических произведениях художественной литературы той эпохи. В дальнейшем вэньянь окончательно утвердился в качестве образцовой, канонизированной и неизменной нормы китайского письменного литературного языка [8; 9; 29, предисловие; 31, с. 169—170]. Что касается того, отражал ли вэньянь живой разговорный язык эпохи своего формирования, то этот вопрос до сих пор является спорным, хотя большинство исследователей полагают, что язык произведений VI—I вв. до н. э. отражал в той мере,

в какой это может обработанный литературный язык, живую речь своего времени, т. е. был понятен на слух [31; 44].

Однако независимо от того, был ли вэньянь мертвым книжным языком с самого начала или же стал таким впоследствии, он уже много столетий во всем существенном настолько отличен от живого общенародного языка, что превратился если не в совершенно особый язык (как некоторые полагают), то в язык, требующий особого изучения.

Суть различия между вэньянем и разговорным языком (в том числе и литературным разговорным) выражают известной формулой: разговорный язык понятен на слух, а вэньянь на слух непонятен; он понятен только «на глаз», в зримом иероглифическом тексте. Вот это «понятен на глаз» привносит в рассматриваемое взаимоотношение третий элемент — иероглифику.

Вэньянь часто называют иероглифическим языком¹⁶, и в этом есть большой смысл, так как омертвлению письменного языка, его сохранению в течение 2 тыс. лет в почти неизменных рамках способствовала прежде всего иероглифика.

Несколько выше говорилось уже о том, что в древнем Китае письменный и разговорный языки, видимо, не были едины, что это объяснялось трудностью иероглифической записи и что иероглифический текст был как бы сжатым, сокращенным отображением живой речи своего времени.

Конечно, такие предположения не могут служить доказательством искусственности языка вэньянь с самого начала его существования. Однако они дают достоверную картину того, как иероглифика влияла на формирование письменного языка и как она способствовала его многовековой консервации. Нельзя говорить, что письменность создала язык, но можно и следует изучать взаимоотношение языка и письменности, в том числе и влияние системы письма на формирование письменного языка. И уже совершенно обязательно рассматривать это соотношение в определенных социально-исторических условиях.

Классический литературный язык вэньянь формировался в начале эпохи длительного господства феодального строя в Китае, и естественно, что он стал элементом этой культуры. Он утратил свою жизненность, стал, как и письменность, достоянием господствующего класса, выражением идей феодальной культуры. Все больше отделяясь от живого языка, подвергаясь умышленной архаизации, письменный язык, как и сама письменность, был понятен лишь образованным людям и недоступен для народа. Освященные тысячелетней традицией, этот язык и письменность стали важнейшими элементами феодальной системы образования: система государственных экзаменов, на которых требовалось безупречное владение иероглификой и знание наизусть древней классической литературы, была введена во II в. и отменена лишь в начале нашего столетия.

Разумеется, реальная картина соотношения книжного и раз-

говорного языка — более сложная и характеризуется не только их противопоставлением, но и взаимодействием, а если говорить о художественной литературе, то все более широким (особенно с XII в. н. э.) проникновением в нее живого языка. В свою очередь, и литература, написанная на вэньяне, до сих пор обогащает своими положительными элементами живой язык, и вряд ли кому придет в голову отказаться от этого богатейшего культурного наследия китайского народа на том основании, что такая литература написана на мертвом в настоящее время языке.

Многовековое существование непонятного без специального изучения иероглифического литературного языка вэньянь поддерживало длительное существование самой иероглифической письменности. Именно в силу этой связи мертвого иероглифического языка с иероглифической письменностью движение против феодальной системы образования, против окостеневших литературных форм и мертвого литературного языка вэньянь в конечном счете должно было сочетаться с движением за реформу самой иероглифической письменности.

В рассматриваемой проблеме имеется еще одна весьма существенная сторона, а именно характер взаимоотношений между общекитайским языком и местными диалектами.

Иероглифику часто называют наддиалектной письменностью, понимая под этим то, что она объединяет «на письме» население всего Китая, будучи в одинаковой степени понятна говорящим на различных диалектах жителям разных районов.

В данном случае нас интересуют два разделенных тысячелетиями аспекта этой проблемы. Было ли это раньше, т. е. укрепились ли иероглифика именно как наддиалектная письменность?

Так ли это сейчас, т. е. действительно ли иероглифика в силу своего наддиалектного характера является единственно возможной в данных условиях системой письма? Напомним, что это соображение обычно выдвигают как одно из важнейших доказательств невозможности перехода на звуковое письмо.

Конечно, разобщенность на отдельные территориальные диалекты была свойственна рабовладельческому и сменившему его феодальному обществу древнего Китая. Отсюда многие китайские языковеды заключают, что диалектные различия были причиной широкого использования разных иероглифов для обозначения одного и того же слова и что создание фоноидеограмм (добавление так называемого ключа, показателя значения) было средством, делавшим иероглифы понятными для носителей различных диалектов. Такая постановка вопроса вполне возможна, но пока это всего лишь предположение.

Во-первых, у нас нет точных данных, что заимствование различных иероглифов для обозначения одного и того же слова отражало диалектные различия. Да и само различие между диалектами, распространенными на сравнительно небольшой территории, не должно было быть велико.

Во-вторых, уже по меньшей мере с IV в. до н. э. в бассейне р. Хуанхэ существовал помимо диалектов общий язык, довольно широко распространенный и развившийся впоследствии в язык народности. Существовали связи между отдельными государствами, в частности, были обычными путешествия ученых и государственных деятелей из одного удела в другой. Известно, что в первом словаре китайских диалектов «Фан янь», составленном на рубеже нашей и предшествовавшей эр, зарегистрированы не только диалектные слова, но и междиалектные и даже повсеместно распространенные [28, с. 71—72].

Что же касается настоящего времени, то, как будет показано ниже, иероглифика все больше и больше утрачивает свою роль наддиалектной письменности. Более того, иероглифика мешает осуществлению языкового единства страны, так как по своей природе она не может способствовать передаче единого произношения. Осуществлению этого языкового единства должна помочь реформа китайской письменности.

* * *

Реформа китайской письменности является объективной исторической необходимостью. Она соответствует интересам широких народных масс Китая и является необходимым условием подъема культурного уровня китайского народа, распространения образования и прежде всего ликвидации неграмотности — этого тяжелого наследия полуфеодального и полуколониального Китая. Естественно, что практическое осуществление реформы письменности, подготовленное многолетней работой передовых ученых и общественных деятелей страны, стало возможным только после победы народной революции, ибо эта реформа проводится народом и для народа; она не нужна была господствующим классам старого Китая, державшим народ в темноте и невежестве и стремившимся сохранить иероглифику во всей ее сложности, с тем чтобы владение письменностью было их привилегией и монополией.

Хотя ни сейчас, ни в ближайшем будущем не имеется в виду заменить иероглифическую письменность алфавитной, однако широкое распространение латинизированного алфавита, утвержденного Всекитайским собранием народных представителей в феврале 1958 г., является существенной частью реформы письменности, проводимой в КНР.

В связи с этим возникает вопрос, продолжают ли сейчас действовать те факторы, те особенности китайского языка, которые в большой мере способствовали в прошлом укреплению и многовековому существованию иероглифической письменности. Напомним, что на эти особенности до сих пор принято ссылаться как на доказательства невозможности замены иероглифики алфавитом. Рассмотрим их по отдельности.

1. В китайском языке много односложных одинаково звучащих, но различных по своему значению слов. В иероглифическом тексте они передаются различными иероглифами. Записанные одними и теми же буквами в алфавитном тексте, они будут непонятны читающему.

Этот довод отпадает потому, что, как уже говорилось выше, в современном разговорном и литературном языке большинство слов двусложные, что значительно сокращает число омонимов и при тщательно разработанной системе правописания отдельных слов делает текст вполне понятным читающему даже при наличии известного количества одинаково пишущихся двусложных слов¹⁷.

2. Иероглифика объединяет на письме население Китая, ибо иероглифический текст в одинаковой степени понятен жителям разных районов страны, говорящим на различных диалектах. Алфавитный текст, передающий какое-либо одно произношение, будет непонятен носителям других диалектов.

Этот довод все больше и больше теряет свою убедительность. В новых социальных и экономических условиях жизни китайского народа диалектная раздробленность, поддерживавшаяся феодальным и полукOLONиальным прошлым страны, все больше теряет свою базу. Небывалое в истории Китая единство страны, развитие путей сообщения, расширение всяческих связей между отдельными районами, громадные стройки, привлекающие массы людей из разных провинций, рост числа учебных заведений, радио, звуковое кино — все это и многое другое вызывает необходимость в использовании общего языка и вместе с тем создает условия для все более широкого его распространения.

3. К числу достоинств иероглифики нередко относят ее, так сказать, «смысловую наглядность», разумея под этим то, что смысловая часть (так называемый ключ) иероглифов фонетической категории уже подсказывает значение слова, тогда как написание алфавитное, передающее только звучание, лишено этого преимущества.

Довод, на наш взгляд, малоосновательный. Но даже если и признать, что иероглифы еще обладают сейчас этим достоинством, то они все больше теряют его, так как в большом числе случаев (нецитируемые многосложные слова, особенно в разговорном языке, многие географические названия, аффиксы, заимствуемые иноязычные слова и транскрибируемые иностранные имена собственные) иероглиф является просто знаком, передающим звучание слога. Приведем в связи с этим интересный пример сознательного регулирования стихийно сложившейся практики использования иероглифов только в их звучании. Среди китайских географических названий имеется немало таких, которые передаются на письме сложными по построению иероглифами, как правило, применяемыми только для этой

цели и неизвестными жителям других мест. На практике письма их заменяли и заменяют различными другими созвучными, но более знакомыми иероглифами. В конце 1958 г. Комитет по реформе письменности утвердил специальный перечень (свыше 100) таких названий, где редко встречающиеся или сложные иероглифы заменены созвучными, но более ходовыми и простыми. Таким образом, древняя практика фонетического заимствования иероглифов находит себе применение и в наши дни.

4. Во всех дискуссиях¹⁸ по вопросу о реформе китайской письменности большое место занимал вопрос о культурном наследии, о судьбе всего того, что было создано в течение тысячелетий китайской культурой и запечатлено в иероглифических текстах. Если иметь в виду практическое решение этой проблемы, то по отношению к языку и письменности его следует рассматривать в следующем аспекте: как сделать литературные произведения прошлого доступными современному читателю без того, чтобы изучать мертвый классический язык *вэньянь*.

Один из возможных путей — это перевод на слышимый язык, естественно доступный в алфавитной записи. Идея сама по себе не новая, издавна осуществлявшаяся, например, уличными чтецами (*шошуды*), излагавшими слушателям пересказы на разговорный язык известных литературных произведений, написанных подчас сугубо классическим языком (например, Ляо Чжай). Известны и печатные издания записей таких переложений [2]. В связи с реформой китайской письменности в 1954 г. в Шанхае были изданы два томика перевода на современный китайский язык стихов поэтов танской эпохи (VII—IX вв. н. э.) [46]. В книге перевод дан в иероглифической и алфавитной записях. Параллельно приводится и оригинальный текст. Думается, что читателю будет небезынтересен приводимый ниже в алфавитной записи текст оригинала и перевода одного исключительно популярного в Китае четверостишия поэта Ли Бо. Стихотворение это неоднократно переводилось и на русский язык, для большей наглядности мы даем два таких перевода, сделанные китаеведами В. М. Алексеевым [10, с. 91] и его учеником Ю. К. Щуцким [3, с. 73]. Четверостишие это пятисловное, и, стало быть, в оригинале каждая строка состоит из пяти слов (пяти иероглифов), т. е. всего из 20 иероглифов (в китайском переводном тексте всего 44 иероглифа).

*Оригинал*¹⁹

Chuang Qian Ming Yue Guang.
Yi Shi Di Shang Shuang.
Ju Tou Wang Ming Yue,
Di Tou Si Gu Xiang.

Китайский перевод

Banyue xinglai dishang you yi
pian yue guang.
Qichu yiwei wuzi li xiale
nongshuang.
Taitou kajian chuangzi waimian
yueliang.
Dixia tou xiangqile qin'aidi guxiang.

У постели вижу лунный свет:
Мнится — это иней на полу.
Голову поднял — взираю на
горный месяц,
Голову вниз — в думе о крае
родном.

В изголовье ложа
Сияет, светлеет луна.
Показалась похожей
На иней упавший она.
Посмотрел на луну я,
Лицо к небесам обратив,
И припомнил родную
Страну я, лицо опустив.

Сопоставление с русским переводом тем более поучительно, что Ю. К. Щуцкий переводил русскими стихами (т. е. своего рода тоже переложение), а В. М. Алексеев поставил своей задачей точную передачу пятисложных китайских стихов на пятисловный отбор русских значащих слов (не считая предлогов и союзов).

Из сказанного выше явствует, что современный китайский язык не служит препятствием для исторически назревшей реформы письменности²⁰, содержанием которой в настоящее время является следующее.

1. Реформа самой иероглифики, т. е. упрощение написания сложных по своему начертанию знаков и унификация так называемых разнописей. В 50-х годах было официально введено в употребление около тысячи упрощенных иероглифов, а в принятом 20 апреля 1960 г. ЦК КПК решении указывалось на необходимость дальнейшего упрощения начертания иероглифов, с тем чтобы каждый иероглиф состоял по возможности не более чем из десяти отдельных черт²¹ и правила их композиции были возможно проще и понятнее. Таким образом, значительная часть иероглифического минимума будет представлена упрощенными иероглифами, занимающими все большее место в печатных изданиях, не говоря уже о плакатах, лозунгах, стенных газетах и т. п. Так, выборочный подсчет знаков в нескольких передовых статьях газеты «Жэньминь жибао» за май 1960 г. показал, что на тысячу иероглифов текста (не считая повторяющихся) уже сейчас приходится 180—200 упрощенных знаков, т. е. 18—20%. Как видим, речь идет о самой серьезной за две с лишним тысячи лет реформе самой иероглифической письменности.

2. Всемирное распространение общекитайского языка, сформировавшегося на основе северокитайского диалекта с пекинским произношением в качестве произносительной нормы. Так как различия между китайскими диалектами проявляются главным образом в области фонетики, произношения, то унификация произношения является центральной задачей в распространении общекитайского языка.

Среди нескольких возможных способов обучения путунхуа наиболее доступными и эффективными являются запись и чтение с помощью алфавитной транскрипции, и сейчас алфавит

стал основным средством (ключом) к овладению путунхуа взрослыми и детьми. Особенно значительные успехи в овладении путунхуа достигнуты в начальной и средней школе, во многих районах страны преподавание всех предметов во всех классах уже ведется на путунхуа. Осуществляются также предусмотренные в указаниях Государственного совета КНР (1956 г.) мероприятия по изучению и применению общекитайского языка в других сферах производственной и общественной жизни страны. Овладеть путунхуа обязаны не только работники радио, кино, театров, печати и издательств, но и транспорта, связи, торговли, военнослужащие и т. д.

3. Распространение китайской фонетической транскрипции (алфавита). Как уже указывалось, изучение алфавита является не самоцелью, а средством для овладения общекитайским произношением (путунхуа) и изучения иероглифов. Вторая из этих задач получила в последнее время исключительно важное значение. Дело в том, что, как показал опыт, серьезнейшим недостатком работы по ликвидации неграмотности (иероглифической) является большой процент рецидива. Нередко у взрослого учащегося, овладевшего иероглифическим минимумом (1500 знаков), по прошествии некоторого времени оставалось в памяти всего 500—300, а то и меньше знаков.

После утверждения правительством фонетического алфавита (февраль 1958 г.) им стали пользоваться как средством, значительно облегчающим изучение иероглифов и закрепляющим уже полученные знания. С помощью алфавита (овладение которым требует около месяца) можно записывать чтение и значение изучаемых иероглифов, отыскивать в специальном словаре улегучившиеся из памяти знаки. Чтение массовой литературы с параллельными иероглифическим и алфавитным текстами закрепляет и расширяет полученные навыки. Опыт показал, что, затратив 15—30 часов на изучение алфавита, можно с его помощью овладеть иероглифическим минимумом за 100—120 часов. Таким образом, всего на овладение иероглифическим минимумом потребуется 150 часов, тогда как раньше на это требовалось 300 часов, а знания были менее прочными. Особенно показателен в этом отношении был опыт ликвидации неграмотности среди молодежи уезда Ваньжунсянь в провинции Шаньси. В решении Центрального комитета КПК указывается, что изучение иероглифов с помощью алфавитного письма является исключительно важным в деле ликвидации неграмотности и распространения заочного образования.

Столь же важно применение алфавита в практике школьного обучения. Укажем лишь на два обстоятельства. Школьники, особенно в младших классах, очень быстро овладевают алфавитным чтением, и это сразу же повышает качество письменных работ по родному языку. Раньше учащийся вынужденно обед-

нял язык своих сочинений, так как не знал иероглифов для требующихся в данном случае слов. Сейчас он пишет такие слова алфавитом. А кроме того, обучение родному языку с помощью алфавита ускоряет процесс и дает возможность сократить освоение программы общеобразовательной школы минимум на год.

Мы охарактеризовали две главные области применения в Китае алфавитного письма. Имеется еще ряд других возможностей использования алфавита, например транскрипция иностранных имен собственных и географических названий; передача телеграмм; азбука для глухонемых; интернациональная научная терминология и т. д. Эти вопросы служат сейчас предметом исследования. Требуют своего разрешения также вопросы, связанные с грамматикой, лексикологией и диалектологией.

¹ Публикации в китайском лингвистическом журнале «Zhongguo Yuwen» [25; 30; 32; 35; 40]. В этих статьях изложены главным образом соображения общего порядка и почти нет анализа конкретных фактов из истории языка и письменности.

² Существенное потому, что до сих пор распространено ошибочное мнение, будто каждый иероглиф является рисунком или символом (идеограммой).

³ Примером может служить иероглиф , который приводит Сюй Шэнь, определяя категорию *цзя-цзе* в словаре «Шовэнь». Так как не имелось иероглифа для слова, обозначающего чиновника в округе с населением свыше 10 тыс. дворов, то для этого был использован знак , первоначальное значение которого — «отдавать приказ». Современные китайские филологи считают, что подобные заимствования по значению не должны входить в категорию *цзя-цзе* и что в этом смысле пример Сюй Шэня ошибочен и расходится с его же определением категории *цзя-цзе* как заимствования иероглифов по звучанию.

⁴ В современном китайском национальном языке (путунхуа) имеется всего 412 типов слогов. В архаичном китайском языке (VIII в. до н. э.) количество слогов хотя и было больше современного (по реконструкции Б. Карлгрена — 2250) [43], но все же довольно ограничено.

⁵ Цянь упоминает еще одно условие, которое мы опускаем, так как оно может касаться только буквенного письма.

⁶ Например, [39, с. 13—15; 21, с. 10—11; 26, ч. 1, с. 20—22; 27]. Популярный, но подробный анализ знаков *цзя-цзе* см. в книге Цао Боханя [37, с. 40—44].

⁷ Эта периодизация вызывает возражения других авторов, о чем будет сказано ниже.

⁸ На русском языке все это достаточно подробно изложено (см. [5, гл. 2]). Популярная, но вполне квалифицированная и достаточно полная характеристика китайской иероглифики дана в книге «Страна Хань» [15], изданной Детгизом, но безусловно интересной и для взрослого читателя.

⁹ Закрепившееся в русской китаеведной литературе название «фонетическая категория» явно неудачное, а в данном случае и совсем непригодное, так как создает впечатление, будто иероглифы этой категории характеризуют шаг вперед по пути фонетизации, так как на самом деле они были шагом назад в этом процессе. Поэтому мы в дальнейшем пользуемся более точным наименованием «фоноидеограмма», принятым, например, в БСЭ [13].

¹⁰ Цифры в транскрипции указывают, в каком тоне произносится слово.

¹¹ Обычные примеры — иероглифы, обозначающие элементы периодической системы; для их обозначения, как правило, пользуются тремя детерминативами:

金 气 石
'металл' 'газ', 'пар' 'камень'

Вторая часть иероглифа передает чтение.

¹² Например, Лю Юсинь, на работу которого [30] мы неоднократно ссылаемся.

¹³ Сторонниками этого взгляда являются также Крил и Дабс.

¹⁴ Пример А. А. Драгунова.

¹⁵ В связи с этим можно высказать еще одно соображение, которое до сих пор привлекало к себе мало внимания и поэтому пока остается не более как предположением. Из истории клинописи и египетской иероглифики известно, какую большую роль в их прогрессивном развитии играло то обстоятельство, что обе эти системы были переняты народами, говорившими на другом языке. В Китае имело место обратное: здесь письменность с момента своего зарождения и до окончательного формирования развивалась на одной и той же языковой почве.

¹⁶ Характеристике китайского иероглифического языка посвящено несколько страниц в книге В. М. Алексеева «Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация». Приведем следующие два отрывка.

«Известно, что старое классическое китайское образование имело в виду приобщить учащегося к книжной культуре трех, а может быть, четырех тысячелетий, дав ему, с одной стороны, возможность читать с точным пониманием всякий текст всякой эпохи, а с другой — самому писать на точно таком же междувременном языке» [1, с. 39].

«Кроме того, и сам старый иероглифический язык, который до начала XX века был верным и последовательным зеркалом тысячелетий, так что писавший в XX в., копируя в том или ином виде предшественников, мог бы быть ими понят за 20 веков до своей даты...» [1, с. 58].

¹⁷ Оно все же достаточно велико. Так, подсчет по изданному в 1958 г. в Пекине краткому (25 тыс. слов) алфавитному словарю китайского языка [42] показывает, что число одинаково пишущихся (не считая диакритических значков — показателей тональных различий) двусложных слов составляет 20% общего их числа. Если же иметь в виду подлинные омофоны, т. е. слова с одинаковым звуковым составом и произносимые в одном и том же тоне, то их число составляет только 5%.

¹⁸ Практическим мероприятиям по реформе письменности, в частности принятию китайской алфавитной транскрипции, предшествовала длительная и широкая дискуссия на собраниях и в печати. Значительная часть этих выступлений опубликована в специальных сборниках, выпущенных в 1957—1958 гг. издательством «Вэньцзы гайгэ» («Реформа письменности»):

1. «Сборник дискуссионных материалов по проекту китайской фонетической транскрипции» [34]. Четыре сборника содержат около 250 статей, касающихся всех сторон намечавшейся реформы.

2. Два сборника статей [20], представляющих собой ответы на анкету, организованную в 1957 г. журналом «Реформа письменности» («Wenzi Gaige»).

3. «Текущие задачи реформы письменности и проект фонетической транскрипции для китайского языка» (176 с.) [22].

4. «Сборник материалов Первой всекитайской конференции по реформе письменности» (267 с.) [23].

Подобные же сборники были изданы в 1954 г. редакцией журнала «Zhongguo Yuwen»:

1. «Вопросы реформы китайской письменности» (153 с.) [41].

2. «Сопоставление фонетического письма и иероглифики» (146 с.) [33]

¹⁹ В китайском тексте одни и те же слова в оригинале и переводе подчеркнуты нами двумя штрихами, а одни и те же корневые морфемы — одним.

²⁰ На русском языке две книжки в достаточной степени полно излагают суть проводимой реформы (см. [12; 14]).

²¹ В настоящее время имеется много широко применяемых иероглифов, число черт в которых доходит до 35.

1. Алексеев В. М. Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация. Л., 1932.
2. Алексеев В. М. К истории демократизации китайской старинной литературы (О новеллах Ляо Чжэя).— Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности, 1882—1932. Л., 1934, с. 37—50.
3. Антология китайской лирики VII—IX вв. М.—Пг., 1923.
4. Бунаков Ю. В. Китайская письменность.— Китай. М.—Л., 1940, с. 351—384.
5. Ван Ляо-и. Основы китайской грамматики. М., 1954.
6. Драгунов А. А. Структурные единицы китайской речи.— «Ученые записки Ленинградского ордена Ленина Государственного университета имени А. А. Жданова. № 236. Восточный факультет. Серия востоковедческих наук. Вып. 6. Вопросы корейского и китайского языкознания». Л., 1958, с. 230—249.
7. Конрад Н. И. О китайском языке.— «Вопросы языкознания». 1952, № 3, с. 45—78.
8. Конрад Н. И. О национальном языке в Китае и Японии в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию.— «Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Лингвистический сборник. IV». 1952, с. 5—29.
9. Конрад Н. И. О литературном языке в Китае и Японии.— «Вопросы языкознания». 1954, № 3, с. 25—40.
10. Ли Бо. Из четверостиший.— «Восток». 1925, № 5, с. 87—102.
11. Лу Синь. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1955.
12. О реформе китайской письменности. Пекин, 1958.
13. Ошанин И. М. Китайский язык.— БСЭ, 2-е изд. Т. 21, с. 316—332.
14. Сердюченко Г. П. Китайская письменность и ее реформа. М., 1959.
15. Страна Хань. Очерки о культуре древнего Китая. Л., 1959.
16. Струве В. В. Происхождение алфавита. Пг., 1923.
17. Флиттнер Н. Д. Как научились читать иероглифы. Пг., 1923.
18. Штейн В. М. Экономические и культурные связи между Китаем и Индией в древности. М., 1960.
19. Ван Ли. Ханьюй цзяньхуа (Лекции по китайскому языку). Пекин, 1954.
20. Вэньцзы гайгэ битань (Письменный обмен мнениями о реформе письменности). Вып. 1, 2. Пекин, 1958.
21. Гао Юаньбай. Ханьцзы ды цюань, фачжань хэ гайгэ (Происхождение, развитие и реформа китайской письменности). Пекин, 1954.
22. Данцянъ вэньцзы гайгэ ды жэньхэ Ханьюй пиньинь фанъань (Текущие задачи реформы письменности и проект фонетической транскрипции для китайского языка). Пекин, 1958.
23. Дицзы цюаньго вэньцзы гайгэ хуэйи вэньцзянь хуэйбянь (Сборник материалов Первой всекитайской конференции по реформе письменности). Пекин, 1957.
24. И Си'у. Вэньцзы гайгэ луныцзи (Сборник статей о реформе письменности). Пекин, 1956.
25. Ли Синцзянь. Ханьцзы вэйшэммо мэю цзао цзоушан пиньинь ды даолю (Почему китайские иероглифы не встали на путь алфавитного письма).— «Чжунго юйвэнь». 1958, № 5 (71), с. 230—232.

26. Ли Цзиньси. Чжунго вэньцзы юй юйянь (Китайская письменность и язык). Пекин, 1951.
27. Ли Цзиньси. Вэньцзы гайгэ луныцун (Сборник статей о реформе письменности). Пекин, 1957.
28. Ло Чанпэй, Чжоу Цзумо. Хань Вэй Цзинь Нань Бэй чао юньбу яньбянь яньцзо (Исследование изменения системы рифм при Хань, Вэй, Цзинь, Южных и Северных династиях). Пекин, 1958.
29. Лю Цзиннун. Ханьйюй вэньбянь юйфа (Грамматика китайского письменного языка). Пекин, 1958.
30. Лю Юсинь. Цун Ханьцзы яньбянь ды лиши кань вэньцзы гайгэ (Реформа письменности с точки зрения истории развития китайских иероглифов).— «Чжунго юйвэнь». 1957, № 5 (59), с. 1—9.
31. Люй Шусян. Вэньбянь сюйцзы (Служебные слова письменного языка). Пекин, 1954.
32. Лян Дунхань. Цун Ханьцзы ды яньбянь кань вэньцзы гайгэ (Реформа письменности с точки зрения развития китайских иероглифов).— «Чжунго юйвэнь». 1957, № 9 (63), с. 10—14.
33. Пиньинь вэньцзы хэ Ханьцзы ды бицзяо (Сопоставление фонетического письма и иероглифики). Пекин, 1954.
34. Ханьйюй пиньинь фаньбянь цаоань таолунь цзи (Сборник дискуссионных материалов по проекту китайской фонетической транскрипции). Вып. 1, 2. Пекин, 1957. Вып. 3, 4. Пекин, 1958.
35. Хуан Шаоюнь, Пэн Цзянь. Ши лунь вэньцзы ды маодунь гуйлуюй (Опыт исследования закона противоречия в письменности).— «Чжунго юйвэнь». 1961, № 9 (108), с. 19—23, 18.
36. Чай Цзяньфэй. Синшэн цзы гайлунь (Общие сведения о иероглифах фоноидеографической категории). Шанхай, 1953.
37. Цао Бохань. Чжунго вэньцзы ды яньбянь (Развитие китайской письменности). Пекин, 1949.
38. Цао Бохань. Юйвэнь вэньти пинлунь цзи (Сборник критических статей по вопросам языка и письменности). Шанхай, 1954.
39. Цянь Сюаньтун. Ханьцзы гэмин (Революция китайской иероглифики).— «Гоюй юэкань» вэньцзы гайгэ хао (Ежемесячник «Национальный язык», номер, посвященный реформе письменности). Пекин, 1957 (перездании).
40. Чжоу Югуан. Вэньцзы гайгэ хэ вэньхуа гэмин (Реформа письменности и культурная революция).— «Чжунго юйвэнь», 1959, № 11 (89), с. 516—520.
41. Чжунго вэньцзы гайгэ вэньти (Вопросы реформы китайской письменности). Пекин, 1954.
42. Hanyu pinyin cihui (chugao) (Опыт фонетического словника китайского языка). Пекин, 1958.
43. Karlgren B. Grammata Serica. Script and Phonetics in Chinese and Sino-Japanese. Stockholm, 1940.
44. Karlgren B. Excursions in Chinese Grammar.— «Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities». 1951, № 23.
45. Needham J. Science and Civilization in China. T. 1. Cambridge, 1954.
46. Ni Xaishu. Tangsh de fanji (Переводы танской поэзии). Вып. 1, 2. Шанхай, 1954.